

0- 790728

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КОЛОЧКОВА Ольга Владимировна

**Адъективированные реализации причастий
в современном русском языке**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Ф ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Садова Татьяна Семеновна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Бурыкин Алексей Алексеевич
(Институт лингвистических исследований РАН)

кандидат филологических наук, доцент
Силантьев Евгений Евгеньевич
(Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена)

Ведущая организация:

Ф ГБОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится «8» декабря 2011 года в 16 часов на заседании совета
Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет Санкт-
Петербургского государственного университета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «6» ноября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000688195

И.о. ученого секретаря диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Н.В. Богданова

Грамматическая и семантическая природа причастия такова, что его исследование связано с рядом общих и частных лингвистических проблем, из которых для данной работы существенны следующие. Во-первых, проблема онтологической (естественной) «гибридности» причастия, то есть вопрос о взаимосвязанности и взаимодействии разнонаправленных грамматических и лексико-грамматических категорий в границах одной лексемы: общеизвестна противопоставленность глагола и имени по многим параметрам – формальным и содержательным. Во-вторых, в причастии как отглагольной форме, с одной стороны, и самостоятельной лексеме – с другой, ярко заявлена проблема тождества слова: причастная форма постоянно «вибрирует» на границе двух частей речи – собственно причастия и имени прилагательного, из чего естественным образом вытекает вопрос о возможности более или менее чёткой фиксации той рубежной стадии, когда причастная лексема перестаёт быть таковой и трансформируется в лексему признаковую, адъективную. В-третьих, проблема соотношения полисемии и омонимии как процессов лексико-семантических, тесно связанная с проблемой грамматической переходности (и адъективацией как её частным случаем), что, в свою очередь, порождает вопрос о целесообразности и, главное, о критериях разграничения многозначных слов и слов-омонимов в контексте. И наконец, как следствие, вопросы сугубо практические: проблема лексикографирования причастий, с одной стороны, и проблема повсеместной орфографической путаницы (правописание слитно / раздельно с *не-* и *н/ни* в суффиксах) – с другой.

Многочисленные работы выдающихся лингвистов (В.В. Виноградова, В.В. Бабайцевой, А.Я. Баудера, Л.П. Калакуцкой, Е.П. Калечиц, В.И. Кодухова, Е.С. Кубряковой, М.Ф. Лукина, В.Н. Мигирина, Т.С. Тихомировой, В.В. Шигурова и др.), а также значительное количество диссертационных исследований (А.И. Бахарева, И.В. Высоцкой, И.В. Замятиной, В.Ф. Ивановой, Е.С. Качмазовой, И.А. Краснова, В.Е. Ломтевой, В.В. Лопатина, Л.И. Удаловой, Л.В. Чернеги и др.), посвящённые переходным явлениям в области частей речи, в том числе причастий, в определённой степени приблизили исследователей к

решению перечисленных проблем, однако вместе с тем поставили и ряд новых вопросов, ответы на которые ещё только предстоит найти.

Таким образом, **актуальность** избранной темы обусловлена следующими позициями: 1) рассмотрением теории адъективации причастий в русле современных направлений лингвистической науки, с учётом накопленного теоретического и практического материала по теме; 2) целесообразностью уточнения частеречного статуса причастия в системе языка с учётом функционирования в речи контаминированных форм причастного характера; 3) необходимостью упорядочения и детального описания тех речевых предпосылок, которые способствуют адъективации причастных образований, тем самым существенно трансформируя исходную систему причастия.

Из сказанного следует, что **объект** предпринятого исследования – синкретичные образования в языке, обусловленные специфической лексико-грамматической природой причастия, **предмет** – разнообразные речевые условия, детерминирующие саму возможность функционирования в речи единиц, не имеющих однозначного грамматического статуса в языковой системе.

Теоретической базой исследования послужили работы, в первую очередь, В.В. Бабайцевой¹, Л.П. Калакуцкой² и В.Ф. Ивановой³, а также работы В.М. Маркова⁴ о семантическом способе словообразования, поскольку в данной диссертации адъективация причастий рассматривается прежде всего с точки зрения безморфемного словообразования – как акт деривации, представляющий собой постепенное накопление формой разнообразных семантических

¹ Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.

² Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке / Л.П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1971. – 227 с.

³ Иванова В.Ф. К вопросу о соотношении причастий и прилагательных в современном русском языке (Причастия и прилагательные с суффиксом -м-) / В.Ф. Иванова // Уч. зап. ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. – Сер. филол. наук. – Вып. 21. – № 180 (Иссл-я по грам-ке). – С. 158-179; Иванова В.Ф. Переход причастий в прилагательные (На материале страдательных причастий настоящего времени) / В.Ф. Иванова // Уч. зап. ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – Сер. филол. наук. – Вып. 61. – № 302. – С. 3-26.

⁴ Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В.М. Марков // Языковед. жовск, 1981. – 29 с.

наслоений и последующий одномоментный качественный грамматический «скачок».

В.В. Бабайцева в своих исследованиях дифференцирует такие термины, как *промежуточные, контаминированные / контаминационные, синкретичные, гибридные единицы*, однако в рамках нашей работы столь строгое разграничение не является принципиальным – все термины используются как синонимы. При этом в диссертации в качестве гиперонима принимается сочетание «адъективированные реализации причастия»: оно наиболее ёмко и точно, на наш взгляд, определяет сущность процесса адъективации – порой весьма продолжительного, исторически неоднозначного, зависящего от множества факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического порядка. Другими словами, в нашем понимании *адъективированные реализации* – это причастные формы, находящиеся непосредственно в процессе перехода в разряд прилагательных, то есть не до конца подвергшиеся адъективации в границах конкретного контекста и при наличии ряда собственно речевых условий, явление адъективации обеспечивающих.

Цель исследования – рассмотреть собственно речевые условия адъективации причастий в современном русском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- 1) рассмотреть соотношение причастия как гибридной по своей природе структуры с глаголом и именем прилагательным;
- 2) соотнести адъективацию как семантико-грамматический процесс с актом безморфемной деривации;
- 3) проанализировать выделенные типы адъективированных реализаций причастий;
- 4) рассмотреть предпосылки адъективации причастных форм как систему;

5) описать случаи непоследовательного написания адъективированных реализаций причастных форм (-н/-нн- в суффиксах, слитно / раздельно с не-), обусловленные контекстом.

Методологической базой исследования послужили работы В.В. Бабайцевой³. Для решения поставленных задач в данной работе использовались следующие **методы**:

1) *описательный* – для описания семантических и грамматических признаков собственно причастных форм, а также контаминированных единиц, от них образующихся на оси адъективации;

2) *структурно-семантический* – для наблюдения над причастиями в языке и речи, выявления их структурных и семантических характеристик, дифференциации облигаторных и факультативных свойств;

3) *трансформационный анализ* – для выявления изменений в грамматической семантике одной и той же причастной формы, использующейся в разных контекстах (реальных и потенциальных);

4) *компонентный анализ семантики омокомплекса* – для рассмотрения каждой исследуемой единицы как компонента определённого омокомплекса;

5) *приём синонимических замен* – для проверки статуса конкретно употреблённого причастия подстановкой синонима с полным набором дифференциальных признаков: замена причастия синонимическим прилагательным указывает на приобретение причастной формой свойств имён прилагательных;

6) *количественный анализ* – для количественной характеристики исследуемого материала.

Материалом послужили тексты, отобранные с помощью поисковой системы Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>). Поиск осуществлялся исходя из следующих критериев: 1) в качестве основной

³ Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.; Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения / В.В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. В.В. Бабайцева. – М.: Изд-во МГПИ, 1988. – С. 3-19.

базы источников были привлечены тексты из двух подкорпусов: «Основного» (оригинальные художественные прозаические и публицистические тексты без детализации по жанрам) и «Газетного» (статьи из средств массовой информации 2000-х гг.); тексты из «Поэтического» подкорпуса, а также тексты переводные и научные нами намеренно не рассматривались, так как грамматика этих дискурсов требует отдельных самостоятельных исследований; 2) нижняя хронологическая граница – середина XIX в., верхняя – начало XXI в. (ограничение материала данными хронологическими рамками обусловлено тем, что в сложившейся к сер. XIX в. системе русского языка с его окончательно сформировавшимся многообразием стилей развиваются те грамматические и иные собственно языковые процессы, которые можно проследить в качестве активной тенденции в языке последующих эпох вплоть до сегодняшнего времени: адъективация причастий в речи (устной и письменной) – в их числе); 3) лексико-грамматический поиск проводился, главным образом, путём задания в соответствующих полях причастных концовок (**щий*, **ший*, **мый*, **нный* и их разнообразных вариаций). Поскольку искомые промежуточные образования не имеют отличительных формальных признаков по сравнению с классическими причастиями и именами прилагательными, то окончательная выборка производилась вручную из общего массива найденных контекстов.

Таким образом, было рассмотрено около 12 000 контекстов, из которых релевантными оказались 5278 (с учётом повторяющихся лексем) или 1873 (без учёта повторяющихся).

Новизна исследования определяется следующим: 1) до настоящего времени адъективированные реализации причастных форм в основном изучались в сопоставительном плане двух и более языков на материале словарей в рамках более общих исследований по проблемам адъективации (А.К. Васильева, М.В. Резунова, К.М. Роева и др.), функционирование же причастий на столь хронологически протяженном материале, представленном в базе Национального корпуса русского языка (сер. XIX – нач. XXI вв.), рассматривается впервые; 2) начиная с середины XX в., в работах,

посвящённых процессу адъективации, предпринимались попытки разграничения его причин, условий и следствий, однако в итоге учёные, как правило, были вынуждены признать трудность этой дифференциации; в данной работе предпосылки адъективации причастных форм, её условия и изменения, происходящие в конечных отпричастных дериватах, впервые были рассмотрены совокупно – как единая цепь причин и следствий; 3) также была предпринята попытка описать случаи орфографической путаницы (*н/ни* в суффиксах, слитно / раздельно с *не-*), обусловленной контекстом и, таким образом, отражающей квалификацию адъективированных реализаций причастных форм либо как причастий, либо как имён прилагательных.

Теоретическая значимость состоит в том, что, при всей неисчерпаемости решения сложных теоретических проблем, связанных с грамматической переходностью, в данной работе обобщается и теоретически резюмируется накопленный в науке опыт в части понимания процесса адъективации причастий с различных позиций, а также рассматриваются критерии разграничения контаминированных единиц, образованных от причастных форм, по степени их адъективации.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные выводы могут быть использованы при изучении грамматики русского языка в школе, на их основе могут быть разработаны спецкурсы по различным аспектам лингвистического анализа текста для вузов. Материалы диссертации, демонстрируя и характеризуя разного рода сбои в написании исследуемых единиц, обусловленные конфликтом семантики конкретного контекста и орфографических норм русского языка, могут пополнить базу данных о переходных и синкретичных явлениях грамматики русского причастия.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Основными предпосылками, *способствующими* адъективации причастной формы, являются а) фразеологизированное употребление исходного причастия: все адъективированные реализации причастных форм

обладают достаточно ограниченной сочетаемостью – в основном, определяемое слово можно заменить только одним из гипонимов и б) метафорическое значение адъективированного образования, которое при этом отсутствует в глаголах, явившихся производящей базой для исходного причастия, но развивается непосредственно у самих адъективированных форм.

2) Основными предпосылками, *препятствующими* полной адъективации причастной формы, являются две особенности глагола, от которого образуется исходное причастие: а) специфическая глагольная семантика конкретного физического действия и б) ярко выраженное глагольное значение переходности – указание на отсутствующий в словосочетании прямой объект, который, однако, существует как в грамматическом значении глагольной основы, так и в реальной действительности.

3) По направлению к современности количество контаминированных отпричастных дериватов увеличивается – детерминирована такая ситуация, в первую очередь, специфическими законами функционирования в современной коммуникации достаточно «агрессивного» публицистического дискурса.

4) Активные процессы адъективации причастных форм постепенно запускают в языке противоположный процесс, в результате которого некоторые формы имён прилагательных (особенно отглагольные прилагательные на -м(ый) ввиду их формального тождества страдательному причастию настоящего времени) начинают функционировать в языке по образу и подобию причастий.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих международных конференциях: 1) Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: IX Международная научная конференция (г. Ульяновск, УГУ, 13-16 мая 2009 г.); 2) XXXVIII Международная филологическая конференция: секция «Грамматика (русско-славянский цикл)» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 16-20 марта 2009 г.); 3) IV международные Бодуэновские чтения (г. Казань, КГУ, 25-28 сентября 2009 г.); 4) Ежегодная международная научная конференция (г. Екатеринбург, УГПУ, 5-6 февраля

2010 г.); 5) Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: Международная конференция, посвящённая 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета Воронежского государственного университета, 85-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова (г. Воронеж, ВГУ, 12-14 марта 2010 г.); 6) X Международная научная конференция (г. Ульяновск, УГУ, 12-15 мая 2010 г.); 7) Международная научная конференция (г. Владимир, ВГТУ, 22-24 апреля 2010 г.); 8) XXXIX Международная филологическая конференция: секция «Грамматика (русско-славянский цикл)» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 15-20 марта 2010 г.).

По теме диссертации опубликовано 17 статей (в том числе 2 статьи в ведущих научных изданиях, рекомендованных ВАК), в которых раскрываются основные положения работы.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении содержится обоснование актуальности темы диссертации, мотивируется выбор объекта, предмета и методологии исследования, которое включается в контекст большого количества работ предшественников по данной проблематике, даётся характеристика анализируемого материала, определяются цели и задачи исследования, объясняются основные детерминанты терминологического предпочтения, оценивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Частеречный статус причастия как глагольно-именного гибрида» – рассматривается причастие как часть речи, аккумулирующая в себе свойства как глагола, так и имени и, соответственно, закрепляющая их в своём частеречном значении, грамматических категориях и синтаксических

функциях. Такая гибридность причастной природы естественным образом порождает возможности рассматривать причастие как особую (атрибутивную) форму глагола или (реже) как форму имени прилагательного. Однако, на наш взгляд, совершенно неопровержимой системы аргументов ни в пользу первой точки зрения, ни в пользу второй лингвистическая теория не предоставляет, при этом противоречий, порождаемых обеими трактовками, грамматикой накоплено множество. Главными из таких противоречий, мешающих однозначно отнести причастие либо к формам глагола, либо исключительно к формам имени прилагательного, на наш взгляд, являются:

1) *противоречие семантическое*: несоответствие в полной мере частеречного значения причастия ни грамматической семантике глагола, ни семантике имени прилагательного – причастие обозначает прежде всего признак, тесно связанный с процессуальностью, при этом процессуальность может быть выражена в той или иной степени, однако никогда в той, в какой она присуща глаголу;

2) *противоречие грамматическое*: залог – это уникальная грамматическая категория, присущая только причастию и дающая чёткую корреляцию причастных форм (в отличие от форм глагола) как действительных и страдательных и с формальной (специфические причастные суффиксы) и с содержательной точек зрения, ср.: «Причастия располагают большими возможностями для более регулярного выражения значений залога, чем глагол»⁶.

Отсюда следует, что наиболее непротиворечивым подходом к квалификации причастия можно признать тот, исходя из которого причастие – это *самостоятельная знаменательная часть речи, а не специфическая форма парадигмы какой-либо другой части речи*.

Во второй главе – «Функционирование адъективированных образований в художественных и публицистических текстах сер. XIX – нач. XXI вв.», исходя из основных положений первой главы, рассматривается собственно

⁶ Шанский Н.М. Современный русский язык: В 3 ч. Ч.2. – М., 1981. – С. 220.

адъективация причастий как процесс семантико-грамматический, заключающийся в накоплении причастной формой новых семантических наслоений, результатом которого является одномоментный качественный грамматический «скачок» – образование нового слова в каждом конкретном речевом употреблении, то есть любое слово на любом этапе адъективации, на наш взгляд, является совершенно самостоятельной единицей, определённой ступенью деривации, омонимом как к производящему его причастию, так и к имени прилагательному (если таковое уже имеется), поскольку поводом для семантического словообразования служит всякое, даже самое незначительное переосмысление. Изложенное теоретическое положение, принятое в работе в качестве базового, сформулировано в русле концепции семантического словообразования, шире – семантической дериватологии (В.М. Марков, Н.Д. Голев и др.).

В рамках данного исследования было проанализировано 5278 различных употребления адъективированных отпричастных форм (из которых 1873 являлись уникальными, неповторяющимися) в художественных и публицистических текстах сер. XIX – нач. XXI вв. Рассматриваемый материал даёт примеры промежуточных единиц двух семантико-грамматических типов:

1) тех, которые обладают глагольными и именными признаками в равной степени, функционируя в языке, в основном, в составе устойчивых конструкций, причём восприятие таких контекстов в качестве фразеологизированных детерминировано, в первую очередь, переосмыслением семантики именно определяющего компонента; иными словами, в подобных единицах язык на том или ином этапе своего развития фиксирует такое состояние слова как грамматической единицы, которое говорит о том, что семантический процесс ещё не завершён, поэтому отсутствуют омонимичные «чистые» имена прилагательные к приведённым нами примерам – условно говоря, данные образования, можно назвать кульминационными, ср.:

а) собственно фразеологизированные образования:

- *Девочки, которую природа одарила умом, творческими талантами и красотой – большие широко расставленные глаза, густые выющиеся волосы, нежный овал лица, – оказалась физически неполноценной, обречённой всю жизнь преодолевать боль, сопровождающую практически каждое её движение.* [З. Кошелева. Оттаявший круг (2003) // «Искусство кино», №4, 2003];

- *Трава была ещё редкой; между её отдельными пучками виднелась голая, растрескавшаяся земля – период дождей начался недавно.* [И. Ефремов. На краю Ойкумены, 1945-1946];

- *Эту ахинею утвердил и подписал уважаемый человек, префект Центрального округа Музыкантский, а сподвигло его на этот шаг, судя по всему, техническое заключение.* [И. Александрова. Жизнь на стройплощадке (1999) // «Адвокат», 1999.01.18];

- *Биографы отмечали в этом издёрганном человеке исключительную «способность сопротивляться стереотипам и бесстрашие не иметь единомышленников».* [В. Гаков. «Дважды два» свободы и достоинства // «Знание – сила», №10, 2003];

б) образования терминологического характера:

- *В середине апреля обнаружилось: обвиняя Ирак в хранении химического оружия, Соединённые Штаты планировали использовать собственные отравляющие вещества против Багдада.* [А. Казинцев. Симулякр, или Стеклозное царство (2003) // «Наш современник», 2003.08.15];

- *Конечно, вычитаемое число должно быть меньше слагаемого, из которого его вычитают, или равно ему. Иначе сумма распадается.* [Г. Попов. Так рассуждает диссидент (2003) // «Московский комсомолец», 2003.01.14];

- *Он сиганул с плеча тети Настурции и ловко повис на люстре. – Ну как газированная вода? Надеюсь, пузырьков не было?* [Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона, 2004];

2) тех, в которых именные свойства превалируют над глагольными – такое положение дел свидетельствует, в свою очередь, о том, что

семантический процесс здесь зашёл дальше, поэтому у подавляющего большинства единиц уже наличествуют омонимичные им имена прилагательные, которые-то (а не сами контаминированные образования, как в типе 1) и функционируют в составе устойчивых оборотов, при этом переосмысление в таких контекстах детерминировано необычной семантикой не столько определяющего компонента, сколько определённой семантикой компонента определяемого, ср.:

а) метафорические образования:

- Но бесовской танец вдруг оборвался, и зазвучала вполне пристойная лирическая мелодия, сразу задевшая **натянутые нервы** артиста и опять усадившая его на место. [Митьки. Подросток, 1988];

- Майор опять ушёл в себя, а я – в проблему **удручённого осознания действительности**. [С. Мостовщиков. Рублёвка // «Столица», 1997.03.18];

- Это симбиоз всех и всяческих **развращённых идеологий**, которые имеются в обществе. [Д. Орлов. Размытый лик партии власти // «Время МН», 2003.07.26];

- Она взяла из **рассеянной руки** Проктора бутылку, которую, в увлечении всей этой историей, шкипер держал между колен, и налила половину жестяной кружки, долив водой. [А. Грин. Бегущая по волнам, 1926];

- Разве за такое деяние святой Мартин не спасал **графскую душу**, спрятав её от **раскалённых когтей сатаны** в складках французского знамени? [А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции, 1960];

б) образования, характеризующие части тела:

- Александр Корешков, со **скрещёнными руками**, всё больше напоминает Владислава Дворжецкого в роли капитана Немо, наблюдающего за погружением "Наутилуса". [А. Левых. Маленькие комедии. Пять горячих точек 23-го тура чемпионата России по футболу (2001) // «Известия», 2001.08.26];

- Секретарша стояла у крематория, среди ждущих **отпевания чёрных платков**, хорошо держалась, лишь за мгновение до **протянутой руки** лицо её

поползло, словно пролитую на стол воду скомкал ветер. [А. Терехов. Каменный мост, 1997-2008];

- *В раскрытых глазах его царил полнота, отсутствие мысли.* [В. Громов. Компромат для олигарха, 2000];

- *Был в лесу, не замолкая, мозглый ветер, сёк лица мокрым снегом, чавкали сапоги, кровоточили стёртые ноги бойцов, лопались всё новые и новые пузыри на пятках, многие тащились нечеловечьим шагом – раскоряками, охая, почти плача, но всё-таки тащились, будто он мог обернуться и пристрелить, как грозил в своё время, оставшего.* [Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961];

- *Красной от мороза пятерней вытянутой руки он сжимал голый ствол дерева.* [Ф. Искандер. Путь из варяг в греки, 1990].

Представляется логичным при анализе адъективированных реализаций (далее - АР) разделить рассматриваемые случаи по типу исходной формы причастия, соответственно, на 4 группы: 1) АР от действительных причастий настоящего времени, 2) АР от действительных причастий прошедшего времени, 3) АР от страдательных причастий настоящего времени, 4) АР от страдательных причастий прошедшего времени, каждая из которых в диссертации анализируется отдельно.

Группа №1. АР от действительных причастий настоящего времени.

Обратим внимание на то, что единицы, относящиеся к этой группе, значительно преобладают в количественном отношении (*вьющиеся волосы, увлекающийся человек, искрящийся взгляд, волнующее зрелище, знающий человек, освежающий напиток; отравляющие вещества, красящие вещества, мыслящее существо, пишущая машинка, говорящая кукла, поясняющие слова и т.п.*). На наш взгляд, особую продуктивность данных единиц можно объяснить наличием у них следующих характеристик:

а) «... временное значение этой формы по существу отрицательное, легко может восприниматься как отсутствие указания на время»⁷; иными словами, свойственное действительным причастиям настоящего времени

⁷ Калауцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М., 1971. – С. 60.

грамматическое значение одновременности (по отношению к основному действию), лишённое, по сути, прикреплённости к определённому времени («расширенное настоящее»), являясь немаркированным членом временной оппозиции, легко превращается во вневременность имени прилагательного;

б) несовершенный вид исходного глагола как немаркированный член видовой оппозиции;

с) переходность производящего причастие глагола (а подавляющее большинство гибридных единиц подобного рода «отпочковались» от причастий, образованных от основ переходных глаголов) не позволяет позднейшим образованиям совершенно потерять с ним связь, одновременно обогащая их семантику. Хотя обращает на себя внимание и факт наличия «срединных» единиц с возвратной частицей *-ся* (соответственно, исходный глагол здесь непереходный): *вьющиеся волосы, уалекающийся человек, искрящийся взгляд* и т.п. Более того, являясь ярким показателем глагольного характера того образования, в чей состав она входит, *-ся* зачастую препятствует образованию от него слов с качественной семантикой. Однако, очевидно, предпосылкой для их отпочкования от «чистых» действительных причастий настоящего времени является общевозвратное «значение постфикса».

Группа №2. АР от действительных причастий прошедшего времени.

По мнению академика В.В. Виноградова, «... причастия на *-ший* и особенно на *-вший*, сохраняющие семантико-грамматическую соотносительность с деепричастиями на *-вши*, в которых формы времени выражены довольно ярко <потому, что с суффиксом *-вши-* связывается представление о принадлежности данной группы причастий к живым для современного русского литературного языка продуктивным глагольным основам – О.К.>, редко переходят в качественные прилагательные. В отдельных случаях качественные значения образуются лишь у причастий на *-ший* <суффикс *-ш-* связан с весьма узким кругом непродуктивных глагольных основ, и в причастиях с данным суффиксом соотносительность с формами деепричастий всё более и более утрачивается, так как деепричастия на *-вши*

вытесняются формами на -я типа *унёши* → *унеся* – О.К.>⁸. Данный тезис подтверждается и языковым материалом: нам не удалось найти контаминированные единицы, образованные от действительных причастий прошедшего времени, а «срединные» единицы такого рода нашлись лишь от неадъективированных причастий, образованных от непереходных глаголов совершенного вида (*растрескавшаяся земля, умершее животное, загоревшие тела, оочевенные ноги, пересохшие губы* и др.), что, по нашему мнению, может быть объяснено тем, что действительные причастия, образованные от глаголов совершенного вида, не имеют соответствующих им форм настоящего времени (как действительных, так и страдательных), то есть непереходные глаголы совершенного вида имеют только одну причастную форму из четырёх возможных. При отсутствии противопоставления временных форм создается возможность образования семантического деривата, не имеющего категории времени вообще.

Более того, Л.П. Калакуцкая полагает, что «... адъективация действительных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов несовершенного вида, вообще невозможна. <...> Среди этих причастий можно с уверенностью назвать только одно адъективированное причастие – *бывший*, синонимичное прилагательным *прошлый, старый*. <...> Причастие *бывший* адъективировалось благодаря тому, что у него одного нет соответствующей формы причастия настоящего времени, так как форма *будущий* перешла во всех своих употреблениях в разряд прилагательных. Кроме того, деепричастие *будучи* по отношению к современному русскому литературному языку можно рассматривать как устаревшее образование <форма *будучи* является довольно употребительной в современном русском языке, однако очевидно, что в абсолютном большинстве случаев она является не формой деепричастия, а производным предлогом – О.К.>. Поэтому вся группа атрибутивных и деепричастных форм оторвалась от образующего глагола *быть*»⁹.

⁸ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 352.

⁹ Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М., 1971. – С. 113.

Особенно ярко доминирование результативности над процессуальностью проявляется в таких примерах, как *пересохшие губы, засохшее растение, промокшая одежда, поблекший цвет* (слова *пересохшие, засохшее, промокшая* и *поблекший* образованы от глаголов с суффиксом *-ну-*). Обратим внимание также на то, что два последних слова коррелируют с формами *промокнувшая* и *поблекнувший*, хотя являющимися малоупотребительными в современном русском литературном языке, но явно обладающими большей степенью глагольности. Эта ощущаемая протяжённость во времени объясняется, на наш взгляд, прежде всего прозрачностью связей между данными причастиями и инфинитивами тех глаголов, от которых они были образованы (*промокнуть* → *промокнувшая*, *поблекнуть* → *поблекнувший*).

Группа №3. AP от страдательных причастий настоящего времени.

Образования на *-мый* являют собой сложную, неоднородную грамматическую массу образований различного характера. Однако ни у кого из исследователей не вызывает сомнения факт того, что наличие при страдательных причастиях настоящего времени существительных в творительном падеже со значением производителя / орудия действия исключает возможность образования от них семантических дериватов с адъективным значением (в этом случае идея субъекта действия как бы дублируется: она выражается не только эксплицитно, но уже присутствует в самой форме имплицитно <грамматическое значение страдательного залога>).

В связи с этим многие учёные приходят к заключению, что отсутствие при рассматриваемых причастиях такого существительного приводит к обратному процессу – к отпочкованию имени прилагательного / контаминированной единицы: «Употребление страдательных причастий настоящего времени без творительного падежа действующего лица, поддерживающего в причастии значение страдательности, а вместе с нею и временное значение, приводит к ослаблению глагольности и к усилению

качественного значения в этих причастиях»¹⁰. Между тем, на наш взгляд, прямой зависимости между этими фактами не существует: отсутствие существительного в творительном падеже со значением деятеля и даже одиночное употребление страдательных причастий настоящего времени вовсе не означает, что перед нами не причастная форма (ср. *Привлекаемый* <прич.> *материал помогает студентам быстро сориентироваться...*; *Посылаю тебе требуемые* <прич.> *500 рублей...*).

Гораздо более значимым в процессе адъективации образований на *-мый* является значение основы исходного глагола. В причастиях, образованных от глаголов, обозначающих свойство предмета, не так существенна разница между активным и пассивным действием, как в причастиях от основы глагола со значением конкретного действия (ср.: *любить* – *любящий человек*, *любимый человек*; *уважать* – *уважающий ученик*, *уважаемый учитель* и *выстраивать* – *выстраивающий* <субъект действия>, *выстраиваемый дом* <объект действия>), поэтому очевидно, что промежуточными образованиями на *-мый* являются только формы со значением отвлечённого действия в своей основе.

Группа №4. AP от страдательных причастий прошедшего времени.

В данной группе контаминированных единиц наличествуют лишь дериваты от неадъективированных причастий, образованных от глаголов совершенного вида, которые (причастия) очень характерны для русского языка (*скрытые мысли*, *накрахмаленная одежда*, *затемнённая комната*, *упрощённый вариант*, *усложнённая задача* и др.): «Больше всего склонны к окачеству страдательные причастия с основами совершенного вида. <По мнению авторов «Граматики-80», формы страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных с суффиксами *-енн-/-анн-(-янн-)* «... вообще не поддаются чёткой дифференциации»¹¹. – *О.К.*> Этому окачеству содействует то обстоятельство, что значение времени в причастиях

¹⁰ Русская грамматика [Электронный ресурс]. – Аналог печатного издания (Русская грамматика: В 2-х тт./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980). – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/>

¹¹ Русская грамматика [Электронный ресурс]. – Аналог печатного издания (Русская грамматика: В 2-х тт./ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980). – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/>

страдательного залога почти вовсе стёрлось»¹². И далее: «Причастия на *-нный* и *-тый* от основ совершенного вида в современном русском языке глубоко внедряются в грамматическую систему прилагательных. Многие из них ослабляют и даже вовсе утрачивают связь с глаголом»¹³.

Иными словами, данные образования стремятся к постепенному избавлению от процессуальности, чему способствует:

а) страдательный залог, который открывает причастную форму от глагола, поскольку в самом глаголе его проявление не охватывает всю систему;

б) ярко выраженное значение результативности на уровне грамматической семантики: «Первичным временным значением причастия прошедшего времени страдательного залога было результативное состояние. Затем осуществился семантический переход от первоначального активного результативного значения к значению пассивного действия, причём оба элемента значения объединились в причастном предикате: сохранилось значение существующего в настоящем состоянии, а наряду с этим выдвигались на передний план элементы значения протекавшего в прошлом действия, которое создало это состояние. Причастие стало обозначать не просто состояние, но и пассивное действие в прошлом, результат которого существует и продолжается в настоящем, то есть временное значение этого нового семантического типа совпало с временным значением индоевропейского перфекта»¹⁴;

с) такие чисто формальные атрибуты, как специфические суффиксы, омонимичные для форм причастия и имени прилагательного (в отличие, например, от действительных причастий настоящего времени, явным индикатором которых являются суффиксы *-ущ-(-ющ-)/-ащ-(-ящ-)*):

¹² Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 353.

¹³ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 353.

¹⁴ Кунавин Б.В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – СПб., 1993. – С. 37.

«Двойственность значений суффиксов *-нный/-тый* ускоряет этот процесс превращения причастия в прилагательное»¹⁵.

Итак, анализ конкретного материала позволил сделать следующие **выводы**:

1. Исходные причастные формы обладают большей абстракцией по сравнению со своими семантическими дериватами: когда речь идёт о причастиях, то обыкновенно у говорящих возникает вопрос о том, кем или при каких обстоятельствах производилось действие (ср. *отравленная вода* - кем? когда? для чего?); когда же речь идёт об отпричастных семантических образованиях, таких вопросов уже не возникает (ср. *отравляющие вещества*): «постепенное приобретение качественности» конкретизирует лексическое значение слова, а грамматическое значение глагольной процессуальности сводится к констатации состояния, в котором оказывается предмет в результате произведённого (им или над ним) действия.

2. Единицы терминологического характера (ср.: *красящие вещества, газированные вина*) сохраняют свой промежуточный статус и не имеют омонимичных конечных дериватов в виде классических имён прилагательных в виду двух особенностей глагола, от которого образуется исходное причастие:

- специфической семантики — значения конкретного физического действия;
- ярко выраженного значения переходности — указания на отсутствующий в словосочетании прямой объект, который, однако, существует как в грамматическом значении глагольной основы, так и в реальной действительности (эти реальные объекты хорошо известны в каждом конкретном случае всем имеющим дело с данной отраслью науки / техники; так же, как всем хорошо известен объект действия, например, в сочетаниях *любящий муж, пьющий человек*).

3. При этом у всех срединных и терминологических адъективированных образований достаточно ограниченная сочетаемость: в основном, определяемое

¹⁵ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 353.

слово можно заменить только одним из гипонимов (*увлекающийся человек: мужчина, женщина* и т.п., то есть *лицо*; *газированная вода: настойка, вино* и т.п., то есть *напиток*). Это говорит, прежде всего, о том, что толчок к отпочкованию подобных контаминированных образований дается в случаях, когда носители языка начинают воспринимать такие выражения в качестве устойчивых.

4. По направлению к современности количество контаминированных отпричастных дериватов увеличивается (особенно промежуточных образований на *-м(ый)*, наиболее тесно связанных как с системой страдательного причастия настоящего времени, так с неоднородной массой собственно отлагольных прилагательных (и формально, и содержательно)). Детерминирована такая ситуация, в первую очередь, специфическими законами функционирования в современной коммуникации достаточно «агрессивного» публицистического дискурса.

Материал показывает, что в текстах масс-медиа начала XXI в. особо продуктивными оказываются отпричастные образования на *-м(ый)* в конструкции с адъективным показателем наибольшей степени интенсивности признака – вспомогательным словом *самый* (ср.: *Кен Рокзен, наверное, – самый обсуждаемый гонщик в мотокроссе в этом году*. [Кен Рокзен – самый обсуждаемый мотокроссмен // «RRG moto», 2011.02.28]; *Так что таблоид и «качественная» пресса друг с другом не конкурируют, хотя таблоиды остаются самыми читаемыми в нашей стране*. [«Эксперт» – самое многотиражное деловое издание // «Эксперт», 2004.12.06]). Актуализация подобных образований, на наш взгляд, может быть объяснена следующими причинами:

а) Смысловой ёмкостью подобной номинации признака – ведь обозначение способности предмета вызывать в отношении себя максимально частое или максимально интенсивное действие формирует в подтексте представление о целой совокупности особых качеств этого предмета.

б) Подобный тип номинации лучше, чем какой-либо другой, позволяет представить качественный признак предмета в прагматической плоскости, связав его с актуальным для общества действием. В сознании человека всегда, а в условиях современной России особенно, ценность и значимость предмета во многом определяется тем, какую реакцию этот предмет вызывает в обществе, насколько он интересен людям, в том числе и как товар. Именно поэтому в тексте СМИ так важно оказывается не только обозначить действие, извне направленное на предмет, но и подчеркнуть его интенсивность или частотность.

с) В рекламе рассматриваемый способ номинации связан со стратегией эффективного воздействия. Называя какой-то товар *самым покупаемым (предпочитаемым, продаваемым)*, рекламодатель даёт ясно понять, что этот товар обладает какими-то эксклюзивными положительными качествами, апеллируя при этом к опыту незаинтересованного, а значит, абсолютно объективного лица – покупателя. Кроме того, автор может избежать перечисления положительных качеств товара, что сделает текст рекламы ненавязчивым (исчезает эффект «расхваливания») и лаконичным. При этом эксплицируется само действие, что очень важно для целей рекламы, потому что это действие выбора и следствием его является покупка товара. Адресат рекламы, естественно, должен захотеть присоединиться к массе покупателей.

д) И наконец, как представляется, большинство из появляющихся в речи форм «превосходной степени страдательных причастий настоящего времени» пока ещё вызывает ощущение новизны и этим дополнительно привлекает внимание к тексту.

5. Активные процессы адъективации причастных форм постепенно запускают противоположный процесс, в результате которого некоторые формы имён прилагательных начинают функционировать в языке по образу и подобию причастий, ср. наличие при отглагольных прилагательных на *-м(ый)* творительного агенса (*Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и*

безначалия. [И. Кронштадтский. Моя жизнь во Христе, 1893]; *Дмитрий Поляков переступил незримый и физически не существующий, но очень хорошо ощутимый им порог монастыря*. [М. Юденич. Сент-Женевьев-де-Буа, 2003]) и, как следствие, – его влияние на неверное правописание, казалось бы, совершенно бесспорных случаев: *Через пару часов развезёт всё в жидкую кашу, по городу ни пройти ни проехать, а на ботинках непременно выступат не побежденные никаким гуталином мерзкие белые разводы*. [И. Иртеньев. Встреча со счастьем (2001) // «Газета.Ру», 2001.02.02]; *В такой миг внезапно чувствуешь не остановимый никакими препятствиями поток жизни, который вот сейчас переборет твоё усилие воли, и понесёт дальше, и погонит, и не даст оглянуться или различить что-нибудь дальше пяти шагов*. [А. Житинский. Лестница, 1972]. Иными словами, можно говорить о том, что творительный орудийный, управляемый отглагольным прилагательным на -м(ый), проявляет фактически те же семантико-функциональные особенности, что и при сочетании со страдательным причастием, способствуя тем самым сближению грамматической семантики отглагольного имени прилагательного с формой причастия. Сама же способность прилагательных этого типа управлять данной синтаксемой обусловлена, с нашей точки зрения, влиянием их внутренней формы на языковое сознание говорящих в плане аналогии со страдательным причастием.

Таким образом, очевидно, что формальный подход к различению частей речи (причастия и имени прилагательного – в частности) на данном этапе развития русского языка себя не вполне оправдывает – грамматические значения слова находятся в тесной зависимости от его смысла, поэтому для определения значения морфологической формы необходим учёт, прежде всего, данных семантического анализа. Однако при написании той или иной контаминированной единицы, безусловно, нужно исходить не столько из грамматической семантики и собственно лексического значения имеющегося образования, сколько из чётких орфографических прескрипций современного

русского языка, несмотря на то, что зачастую форма не только не определяется и не детерминируется содержанием, но и вступает в прямой конфликт с ним.

В заключении обобщаются основные результаты работы, формулируются выводы и предлагаются перспективы дальнейших и предпринятого исследований.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

а) в изданиях, рекомендованных ВАК:

1) Колочкова О.В. Промежуточный статус слова как грамматической единицы в акте семантического словообразования (на примере «адъективации» причастий) / О.В. Колочкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – №1. – С. 64-76.

2) Колочкова О.В. Грамматическая неоднородность адъективированных причастий в современном русском языке / О.В. Колочкова // Вестник СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – Сер. 9 (Филология, востоковедение, журналистика). – Вып. 1. – С. 116-120.

б) в других научных изданиях:

3) Колочкова О.В. Грамматическая семантика языковой единицы: Орфографический аспект (на примере страдательного причастия и имени прилагательного) / О.В. Колочкова // Альманах современной науки и образования: Научно-теоретич. и прикладной журнал широкого профиля: В 3-х частях. – Тамбов: Грамота, 2007. – №3. – Ч. II (Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – С. 99-101.

4) Колочкова О.В. Семантические контаминации имени и глагола в русском языке / О.В. Колочкова // Альманах современной науки и образования: Научно-теоретич. и прикладной журнал широкого профиля: В 3-х частях. – Тамбов: Грамота, 2007. – №2. – Ч. II (Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – С. 149-151.

5) Колочкова О.В. «Окачествление» причастий в русском языке / О.В. Колочкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Науч.-теоретич. и приклад. журнал: В 2-х частях. – Тамбов: Грамота, 2008. – №1. – Ч. I. – С. 100-102.

6) Колочкова О.В. Семантическое словообразование как доказательство отсутствия «перехода» слова из одной части речи в другую / О.В. Колочкова // Альманах современной науки и образования: Научно-теоретич. и прикладной журнал широкого профиля: В 3-х частях. – Тамбов: Грамота, 2008. – №2. – Ч. III (Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – С. 75-77.

7) Колочкова О.В. Семантические контаминации имени и глагола как отражение в языке синкретизма мышления / О.В. Колочкова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Матер. VII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 13-17 мая 2008 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2008. – С. 72-73.

8) Колочкова О.В. Взаимоотношения имени и глагола в рамках коммуникативной ситуации / О.В. Колочкова // Альманах современной науки и образования: Научно-теоретич. и прикладной журнал широкого профиля: В 3-х частях. – Тамбов: Грамота, 2009. – №2 (21). – Ч. III (Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – С. 70-72.

9) Колочкова О.В. Причины, условия и следствия адъективации причастий в русском языке / О.В. Колочкова // Альманах современной науки и образования: Научно-теоретич. и прикладной журнал широкого профиля: В 2-х частях. – Тамбов: Грамота, 2009. – №8 (27). – Ч. I (Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы). – С. 67-69.

10) Колочкова О.В. Имя и глагол как категории мышления и участники коммуникативной ситуации / О.В. Колочкова // Язык и мышление:

Психологические и лингвистические аспекты: Матер. IX Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 13-16 мая 2009 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2009. – С. 32-33.

11) Колочкова О.В. Причины и следствия перехода слова из одной части речи в другую (на примере адъективации причастий) / О.В. Колочкова // IV международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.): Тр. и матер.: В 2-х тт. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во КГУ, 2009. – Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – С. 40-42.

12) Колочкова О.В. Переход слова из одной части речи в другую как основная проблема морфологии русского языка (на примере адъективации причастий) / О.В. Колочкова // Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики: Сб. тез. докл. ежегодной междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 5-6 февраля 2010 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 40-41.

13) Колочкова О.В. Стадийность и неравномерность протекания процесса адъективации причастных форм в русском языке / О.В. Колочкова // Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики: Матер. ежегодной междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 5-6 февраля 2010 г.): В 2-х частях. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – Ч. I. – С. 124-127.

14) Колочкова О.В. Неполная адъективация причастных форм в современном русском языке / О.В. Колочкова // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: Матер. Междунар. конф., посвящ. 50-летию со дня основания кафедры русского языка филологического факультета ВГУ, 85-летию со дня рождения проф. И.П. Распопова, 75-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова (Воронеж, 12-14 марта 2010 г.): В 2-х частях. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2010. - Ч. I. – 94-99.

15) Колочкова О.В. Отыменные образования причастного типа как промежуточная категория мышления и грамматики / О.В. Колочкова // Язык и

мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Матер. X Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 12-15 мая 2010 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2010. – С. 94-96.

16) Колочкова О.В. Взаимодействие имени и глагола как ментально-коммуникативных категорий и его результаты / О.В. Колочкова // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилософский аспект: Сб. матер. междунар. науч. конф. (22-24 апреля 2010 г.) / Отв. ред. А.С. Малахов. – Владимир: Изд-во Владимирск. гос. гуманит. ун-та, 2010. – С. 42-51.

17) Колочкова О.В. Грамматическое соотношение адъективированных причастий и собственно причастных форм в современном русском языке / О.В. Колочкова // Грамматика (Русско-славянский цикл): Матер. секции XXXIX Междунар. филол. конф. (СПб, 15-20 марта 2010 г.) / Отв. ред. Г.Н. Акимов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 37-40.

Типография СПбГУ
199004, г. Санкт-Петербург, Большой проспект В.О., д.21
Подписано в печать 01.11.2011
Тираж 100 экз.

102